

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 008.001.14

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ Г.Д. ГАЧЕВА В РАКУРСЕ ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

М.М. Шibaева

ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», г. Москва

Содержательной основой статьи является авторская рефлексия над спецификой такого направления творческого наследия Г.Д. Гачева, как экзистенциальная культурология. Выделение из фонда научных изысканий и философских размышлений именно этого направления обусловлено его несводимостью к концепции национальных образов мира. В статье раскрывается уникальность подхода мыслителя к более обширному «полю проблем», включая и вопрос о субъектности познания как творческого процесса. Особенности индивидуального «вживания-вчувствования» оригинальным мыслителем в проблематику национального «космо-психо-логоса» как субъекта культуротворческой деятельности выявлены на основе методологической триады В. Дильтея, понятия М.М. Бахтина «со-участное мышление» и ряда концептов Г.Д. Гачева.

Ключевые слова: *Гачев, творческое наследие, экзистенциальная культурология, национальные образы мира, субъектность «космо-психо-логоса», творчество.*

Сотворение уникального произведения протекает как своего рода единоборство новой творческой идеи и преднаходимой жанровой структуры.
Г.Д. Гачев

Гачев был необыкновенное человеческое мыслящее существо. Существо вне ряда и вне сравнения и уж, конечно, вне отдельного профессионального цеха.
С.Г. Бочаров

Предметную область многолетних изысканий и раздумий такого оригинального мыслителя, каким был Георгий Дмитриевич Гачев, можно определить его же словосочетаниями: «*возлюбленная непохожесть*» и «*изобилие бытия*». В каждой из работ Гачева предстают перед читателем различные грани феномена «возлюбленной непохожести». Это – и множественность типов национально-уникального «космо-психо-логоса», и специфика проявления «содержательности художественных форм», и философские воззрения Декарта и Канта, и разнообразие «русских дум», каждая из которых рассмотрена через оригинальную призму авторского восприятия. Рефлексирующая оптика Г.Д. Гачева несет на

себе печать как его «жизненного мира» (Э. Гуссерль) или «внутреннего опыта» (В. Дильтей), так и полноты свободы в творческом подходе к любому предмету постижения и к полистилистике манифестирования далеко не бесспорных умозаключений.

Ценностное отношение к беспредельности природного, этнокультурного и художественно-эстетического разнообразия стимулировало исследовательские интенции «вольного мыслителя» (как сам себя позиционировал Гачев). Самоопределение мыслителя в исследовательском «поле проблем» сопровождалось творческим поиском особых выразительных способов вербализации взглядов на мироустройство в его разнообразных проявлениях и на субъектность «космо-психо-логоса». Присущий Г.Д. Гачеву дар продуктивного и свободно-непринужденного существования в контексте различных хронотопов культуры обнаруживает себя в различных плодах философской и художественной рефлексии. Филолог по базовому образованию, полученному в МГУ, со временем соединился в его лице с оригинальным интерпретатором феномена жанрово-видового разнообразия искусства и создателем собственной объяснительной модели генезиса и своеобразия национальных образов мира.

Свою рефлексивную и исследовательскую оптику Георгий Гачев определял как *экзистенциальную культурологию*, категориальный аппарат которой составил ряд разработанных им понятий – от «космо-психологоса» до «привлечённого мышления». И если эвристичность понятия «космо-психо-логос» Г.Д. Гачев связывал с задачей «описать-понять каждый национальный мир как космо-историческую Личность, персонаж необходимый и незаменимый в Человечестве» [7, с. 3], то смысловую нагрузку «привлечённого мышления» он усматривал в возможности постижения и объяснения творческой природы философской рефлексии. Данный момент Георгий Гачев четко раскрыл в интервью Сергею Луконину для «Литературной газеты» в мае 2004 г.: «Весь смысл “экзистенциальной культурологии”, что я нарабатывал всю жизнь, в том, чтобы явить целостность жизни и мысли, их взаимопереплетённость в привлеченном мышлении автора» [8, с. 415].

Оба признания мыслителя по поводу ценностно-смысловых оснований и стилистических особенностей экзистенциальной культурологии дают ключ к пониманию его «мотивационного контекста творчества» (М.М. Бахтин). Суть его – в разработке собственной объяснительной модели не только национальных образов мира, но и субъектности познавательно-творческого движения рефлексизирующего «Эго» к Истине посредством «со-участного мышления» (М.М. Бахтин). Отсюда и правомерность акцентирования внимания на интеллектуально-творческой уникальности гачевского наследия в целом. Думается, что для раскрытия оригинальной манеры мыслетворчества и письма Г.Д. Гачева уместно «задействовать» идею В. Дильтея относительно ло-

гики постижения культурного текста в пространстве «наук о духе». Согласно немецкому философу, «переживание – выражение – понимание» – та триада, которая способствует постижению и адекватной оценке авторского произведения. Эвристический потенциал данной триады Дильтей обосновывал тем, что «в гуманитарно-научном методе заключено постоянное взаимодействие переживания (Erlebnis) и понятия (Begriff). В переживании индивидуальных и коллективных связей гуманитарно-научные понятия находят свое воплощение, подобно тому как, с другой стороны, непосредственное повторное переживание само возвышается до степени научного познания при посредстве общих форм мышления» [13, с. 11].

Умозаключение Дильтея о значимости учета эмоционально-экспрессивного аспекта порождения авторского текста подтверждается многими работами Гачева, пронизанными его особым гнозисом переживаний. Многолетний и яркий опыт субъективных переживаний «вольного мыслителя» питался как самим объектом постижения («возлюбленная непохожесть» в пространственно-временном континууме природного, этнонационального и культурного разнообразия), так и той интеллектуальной энергетикой «привлеченного мышления», синонимом которого для него был, по его словам, «разум восхищённый». Присущая Г.Д. Гачеву амплитуда гностических переживаний – от удивления до восторга и от смятения до благоговения – в немалой степени детерминировала и специфический спектр дискурсивных приемов выражения авторского мировосприятия. Иными словами, не только в трудах, посвященных национальным образам мира, но и текстах филологического и эстетического характера глубина мысли Гачева и его «жизненно-страстная, эросная энергия» [5, с. 5] сливаются в конфигуративную сопряженность рационального, эмоционального и интуитивного.

Именно поэтому понимание архитектоники и содержания любой из книг Гачева, а также неакадемического стиля изложения его гносеологической позиции требует от читателя напряженного и терпеливого «вживания-вчувствования» в контекст и манеру написанного. По мере проникновения в ассоциации, реминисценции и рассуждения Гачева, выраженные им в особой вербальной стилистике, включая неологизмы и метафоры, все более явным становится такой признак творческого мышления, как стремление по-своему, преодолевая стереотипы восприятия, объяснить природу того или иного предмета рефлексии. Свою гносеологическую «стратегию» мыслитель объяснял следующим образом: «... чтобы изучение национального своеобразия протекало напряженно и дало больше результатов, исследователю, по-моему, полезно исходить из, так сказать, ПРЕЗУМПЦИИ НЕПОНИМАНИЯ как рабочей гипотезы... Если я войду с трепетным ожиданием встретить неведомое, парализую свои привычные схемы, попробую превратить свой ум в *tabula rasa* (чистый лист), чтобы новый мир там беспрепятственно

писал свои письма, и буду вслушиваться – о! тогда больше гарантии, что я постигну здешний образ жизни и мыслей» [6, с. 18].

Итоги же субъективного постижения объекта рефлексии Г.Д. Гачева находили свое отражение в своеобразном сочетании логических построений, жанрового «своеволия» и, как он любил подчеркивать, «образного априоризма». Вероятно, по этой причине чтение его работ порой обескураживает и возникает ощущение авторской игры с тем или иным предметом рефлексии. Между тем представляется, что необычность разворота мыслеобразов Г.Д. Гачева обусловлена как отмеченной ранее установкой на преодоление стереотипов и «издержек» академизма, так и его собственными принципами включения в «поле проблем», для него значимых. В этой связи уместно обратиться непосредственно к ряду высказываний Г.Д. Гачева о содержательно-стилистических особенностях его рефлексии.

Прежде всего стоит остановиться на особенности его понимания, в чём состоит различие между процессами познания и творчества. «Познание – принятие наличного. Творение ж исходит из недовольства наличным бытием: в нем чего-то недостаёт, и я чувствую себя призванным восполнить эту недостаю», – писал он в своей работе «Вещают вещи. Мыслят образы» [2, с. 247]. Исходя из такого ощущения своей призванности, Г.Д. Гачев поставил перед собой следующую задачу: «...уловить интуиции, созерцания и видения под системно-рассудочными выкладками философов» [9, с. 13]. В соотношении с данной установкой и были сформулированы им принципы рефлексии: принцип *«братания между жанрами научного и художественного мышления»* и *«принцип присутствия субъекта в исследовании объекта»*. В такой формулировке оба принципа были «обречены» на напряжённое отношение представителей академической среды, и потому в течение многих лет Г.Д. Гачев был вынужден систематически возвращаться к вопросу об их гносеологической целесообразности и эвристическом потенциале в своих книгах.

Первый принцип был сформулирован им ещё в июне 1976 г. на круглом столе журналов «Вопросы литературы» и «Вопросы философии» на тему «Наука и искусство в век научно-технической революции». Именно тогда он выступил с манифестом «О привлечённом мышлении и научно-лично-художественном жанре», который завершил призывом «к братанию между жанрами научного и художественного мышления». А в качестве одного из аргументов эвристичности такого «братания» Г.Д. Гачев приводил свою плановую научную работу над темой «Гуманитарный комментарий к естествознанию». По сути, его выступление в содержательном плане развивало идею В.И. Вернадского, который ещё в 1902 г. писал: «Развитие научной мысли никогда долго не идет дедукцией или индукцией – оно должно иметь свои корни в другой, более полной поэзии и фантазии области: это или область жизни,

или область искусства, или область, не связанная с точной дедукцией или индукцией, рационалистическим процессом, – область философии» [1].

Однако гносеологический манифест Г.Д. Гачева мало кого убедил из участников круглого стола, что не помешало ему продемонстрировать не раз продуктивность «братания» принципов познания. Творческий подход «вольного мыслителя» своеобразно проявился и в последовательной актуализации второго принципа – «присутствия субъекта в исследовании объекта». Плоды такого присутствия рефлексующего «Эго» Георгия Гачева – это та интонационно-тональная экспрессия «жизни с мыслью», которая передается особыми приемами письма и тем самым подтверждает ценность герменевтической триады Дильтея «переживание – выражение – понимание». Установка на следование обоим своим принципам в сочетании с приверженностью к идее *самоценности свободы как фундаментального эвристического принципа* была последовательно и оригинально реализована в массиве его трудов. Причем, по его признанию, постижение различных граней феномена «изобилия бытия» осуществлялось «под образным углом зрения» [3, с. 246] и в состоянии «гносеологической радости». Думается, что его творческую энергетику в немалой степени питали мощное воображение и экспрессивный стиль игры с мыслью, ассоциациями, реминисценциями и разнообразными способами вербализации субъективных переживаний – от интеллектуального «эврика!» до эффекта катарсиса.

Имея в виду такой параметр креативности личности, как оригинальность ее мировосприятия, стоит обратиться к вопросу о творческом потенциале «продуктивного воображения» (Кант). Внимание к данному свойству мира человеческой субъективности носит устойчивый характер не только применительно к сфере мифологии и искусства, но и к проблематике научного познания и философской рефлексии. С этой точки зрения стоит вспомнить следующий постулат Поля Рикёра: «Именно воображение создает среду, эту лучезарную прогалину, где могут сопоставляться и соизмеряться мотивы, столь же разнообразные, как разнообразны желания, этические требования, профессиональные правила, социальные обычаи и сугубо личные ценности» [16, с. 462].

Гносеологическую значимость воображения подчеркивали и отечественные философы. Так, согласно Б.Л. Губману, «творческое воображение, на котором базируется культурно-созидание, сопряжено с созданием новых смысловых образований. Видение, казалось бы, общеизвестного в ином ракурсе, оригинальной плоскости приносит радикальный сдвиг смыслового свойства, фиксирует то, что ранее оставалось незримым» [12, с. 323]. В экзистенциальном плане оценивал роль воображения Э.В. Ильенков, которого своим интеллектуальным наставником считал Г.Д. Гачев. По утверждению Ильенкова, «индивидуальное отклонение от общей нормы, которое вызвано не капризом, а теми или

инными серьезными общезначимыми мотивами, причинами и потребностями, касающимися всех, или, по крайней мере, многих людей, – писал он в своей работе «Вещают вещи. Мыслят образы», и есть действие творческого воображения» [14]. Симптоматично и то, что в той же своей статье «О воображении» в качестве одного из ключевых словосочетаний Э.В. Ильенков использовал «живое культурное воображение».

Данное словосочетание – ключ к пониманию того, что содержательная емкость книг Г.Д. Гачева о национальных образах мира, а также работ о Гете, Декарте, Канте, в немалой степени обусловлена «живым культурным воображением», которое он трактовал как «труд, кайло, которым врубаешься в неизвестные толщи Истины» [2, с. 480]. Примечательно, что полистилистика всего наследия Г.Д. Гачева демонстрирует сопряженность «кайла» воображения *с игровой компонентой рефлексии*. «Вольный фантазёр – ассоциативщик» (по собственному выражению Гачева), он дает немало оснований своей манерой логических построений и их вербализации для отнесения его творческой индивидуальности к типу Homo Ludens. Насколько органично и плодотворно существовали в Георгии Гачеве интеллигент и «человек играющий», можно судить хотя бы по тому, как он сформулировал особенности своего опыта рефлексирования: «Драма мышления. Исследование – как живой детектив, теория – как театр...» [8, с. 348]. А в книге «Италия. Опыт экзистенциальной культурологии» предисловие было завершено следующей строкой: «За сим начинаю спектакль жизни и ума...» [5, с. 8].

Однако не только проявление «*инстинкта театральности*» характерно для гачевского опыта рефлексии над ценностями жизни и ценностями культуры в их сопряжении и амбивалентности. Объясняя мотивацию и суть своей творческой «жизни с мыслью» и формах её вербализации, он прибегал и к понятию карнавала. Вот одно из свидетельств: «...не имея карнавала в жизни реальной, – писал Георгий Гачев, – я всю его учиняю на пажитях своих писаний: всё с чем угодно сопрягаю в соитие – и веселюсь-танцую... По тому же принципу, как и путешествую я в воображении» [4, с. 298].

Энергетика игры в сфере сотворения «мыслеобразов» вербализировалась в непривычных для академической традиции в науке жанрах – «*интеллектуального путешествия*» и «*дневника мышления*» (или «*мышления-исповеди*»). Эти жанры Гачев объединял понятием «честно-экспериментального репортажа» [4, с. 268]. Сознвая, что такого рода жанровая «новация», как и ассоциативно-метафорические приемы выражения, не может не вызвать раздражения или недоумения, Г.Д. Гачев объяснял ее целесообразность в предисловии едва ли не каждой своей книги. Тем не менее такое предуведомление о гносеологическом потенциале жанровых предпочтений мыслителя, приверженного, по сути, методологическому плюрализму, убеждало далеко не всех ученых-

гуманитариев. В их числе были, к примеру, такие безусловно авторитетные и талантливые мыслители, как А.Ф. Лосев и Ю.М. Лотман, о чём свидетельствует сам Гачев. Он не замалчивал, в частности, суждение Лосева о том, что «Гачев совершенно не методичен» [15], а письмо Лотмана о причинах отказа публиковать его статью «Космос Достоевского» в «Ученых записках» Тартусского университета приводил полностью в нескольких своих книгах.

Тем не менее Георгий Дмитриевич Гачев смог «устоять» в ситуации неоднозначного отношения коллег-гуманитариев к его идеям и способам их интеллектуально-образного раскрытия. О мужестве и плодотворности «самостоянья» мыслителя свидетельствуют его многочисленные и глубокие работы, написанные в соответствии с исповедуемыми им принципами рефлексии и убежденностью в продуктивности «привлеченного» или со-участного, мышления. Его подход к феномену этнокультурного разнообразия в определенном смысле соотносится с одним из ключевых понятий Л.Н. Гумилева *«вмещающий и кормящий ландшафт»*. Г.Д. Гачев не только признавал изначальную значимость ландшафтного фактора накопления этносом опыта адаптации к внешним условиям жизнедеятельности, но и придавал ему статус предпосылки самобытной культуры. Согласно ему, «уже устройство природы здесь есть текст и сказ: горы или море, лес или степь, тропики или времена года – это же всё некие мысли бытия, сказанные словами природы!» [10, с. 141].

Из этого суждения видно, что природно-климатическую заданность этногенеза Г.Д. Гачев выводил за рамки органицизма, а рассматривал ее в более широком, можно сказать, гуманитарном смысле. Он был убежден в том, что только КОСМОсофия открывает исследователю возможность точнее выявить и более полно раскрыть «национальное как особый талант зрения» [6, с. 5]. Отсюда и введение в контекст экзистенциальной культурологии ряда собственных концептов, прежде всего таких, как «космо-психо-логос» и *«Природина»*. Эвристический потенциал данных концептов Гачев связывал с тем, что «Природа есть текст, скрижаль завета, что Народ должен прочесть, понять и реализовать в ходе Труда, в творчестве культуры на сей земле» [10, с. 141].

Думается, что мотивация введения Гачевым в контекст этнологической культурологии собственных концептов не носила характера смысловой альтернативы традиционным понятиям «этническая история» и «этническая психология». Гносеологический смысл «космо-психо-логоса» и «Природины» он усматривал в возможности культур-филофского анализа ментальностей народов мира. По собственному признанию мыслителя, его интересовали «не национальный характер, а национальное воззрение на мир, не психология, а... гносеология, национальная логика, склад мышления: какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир и, соответственно, какой Космос... выстраивается

перед его очами и реализуется в его стиле существования, отражается в созданиях искусства и теориях искусства» [6, с. 16].

Такого рода исследовательская мотивация изначально обуславливала пристальное внимание не только к онтологическому, но и к аксиологическому аспектам жизнедеятельности этноса, к природным и историческим факторам его самобытной «явленности». С этой точки зрения уместно вновь процитировать Георгия Гачева: «Я ищу докопаться до особого Ума каждого Народа как драгоценной породы, что залегает на глубине и образует фундамент его существования, определяет его мотивы, шкалу ценностей, поведение... Ставлю опыты анализов, нахожу с разных сторон: поэзия, физика, религия... – и в итоге некоторый инвариант вырисовывается, и я описываю его» [8, с. 820]. В данном высказывании вновь выявляется творческая натура мыслителя и его непреодолимое стремление расширить и углубить сферу гуманитарного знания в целом.

Творческий подход к сущности и проблемам этнокультурного разнообразия как данности онтологического и аксиологического характера состоит, на мой взгляд, и в особом внимании Георгия Гачева к *субъектности* данного явления. В этой связи стоит подчеркнуть, что в экзистенциальной культурологии Г.Д. Гачева своеобразие национальных образов мира и Божества раскрывается не только через ментальности разных народов, живущих в пространственно-временном континууме своей «Природины». Не менее важным объектом рефлексии являлась для него Личность, рожденная и сформированная в реалиях этнонационального «космо-психо-логоса». И не только потому, что обращение к «знаковым именам» в национальной Вселенной – добрая традиция в сфере гуманитарного знания. Мотивация автора глубоких и оригинальных работ о Декарте и Канте, о месте Гете и Руссо в мировой культуре, а также о великих представителях «русской думы» (от П.Я. Чаадаева до А.Ф. Лосева) носит гносеологический характер. Согласно мыслителю, «погружаясь в тексты классиков культуры и цивилизации каждой страны, народа, мы можем “без гнева и пристрастия” проникнуть в то, что есть каждый народ по истине и сути, какими понятиями руководствуется его ум, какими ценностями – его поведение, в том числе и международная политика...» [3, с. 824].

В свете данного суждения становится очевидным, что при всем тяготении Г.Д. Гачева к свободе выражения субъективного взгляда на объект рефлексии он не отрицал значимости принципов научной объективности и историзма. Другой вопрос, что признаки его следования данному принципу как бы «растворяются» в мозаике дискурсивных приёмов, включая и автобиографический нарратив, поражающий отвагой безграничной откровенности по поводу экзистенциальных проблем личностного бытия в его различных измерениях. Отсюда и важность углубленного «вживания-вчувствования» читателя в конфигуративность

мыслеобразов Гачева, в свете чего особенно ценной оказывается такой методический «навигатор», как уже упомянутая триада Вильгельма Дильтея «переживание – выражение – понимание».

Подводя итоги размышлениям о творческом наследии Георгия Дмитриевича Гачева, которое он «маркировал» понятием «экзистенциальная культурология», стоит выделить ряд моментов, характерных именно для него как «вольного мыслителя».

Во-первых, существующий на сегодняшний день список опубликованных трудов Г.Д. Гачева выявляет одними только названиями проблемно-тематическую широту его рефлексии. Многогранная тематика его изысканий и умозаключений включает филологические и эстетические проблемы, гносеологические и культурфилософские; причем каждая из них содержательно и стилистически выводила на весьма нетривиальные результаты постижения глубинных пластов Бытия субъекта творчества.

Во-вторых, в контексте всего написанного Г.Д. Гачевым данные проблемы оказываются взаимосвязанными, благодаря чему и возникла его экзистенциальная культурология как субъективный опыт постижения и объяснения феномена «возлюбленной непохожести» – от национальных образов мира и Божества до собственных переживаний его «бурно-страстной жизни».

В-третьих, он имел все основания считать каждую свою книгу, начиная с «Шестьдесят дней в мышлении. Самозарождение жанра» [11], гипертекстом. В любом издании читатель получает возможность обратиться к оригинальной архитектонике гачевского гипертекста, в котором сосуществуют, а точнее, взаимодействуют как объяснительные модели культурно-исторического развития народов мира, так и откровения собственного «жизненно-интеллектуального опыта, эксперимента автора над собой, зафиксированного в слове» [12, с. 479].

И, наконец, последний момент: поэтика и эстетика гипертекстов Г.Д. Гачева позволяют определить его сущность теми словами А.Ф. Лосева, которыми ученый охарактеризовал ренессансный тип личности: «артистически выражающая себя мудрость» [16, с. 55]. Правда, Георгий Дмитриевич Гачев жил, как известно, совсем в иное время и в иных реалиях повседневной проверки модальности «самостоянья человека». Страстная творческая натура «вольного мыслителя» и талантливый служитель «Музе пера», верность своему жизненному «кредо» подтверждают собой не только близость Г.Д. Гачева ренессансному типу личности, но и возможность «ни единой долькой // Не отступаться от лица, // И быть живым, живым и только, // Живым и только до конца» (Борис Пастернак).

Список литературы

1. Вернадский В.И. Письмо жене 24 июля 1902 года // Архив РАН. Ф. 518, оп. 7. № 48.
2. Гачев Г.Д. Вещают вещи. Мыслят образы. М: Академ. проект, 2000. 496 с.
3. Гачев Г.Д. Германский образ мира. Германия в сравнении с Россией. М.: Академ. проект, 2019. 855 с.
4. Гачев Г.Д. Жизнь с Мыслью: Книга счастливого человека (пока...): Исповедь. М.: ДиДик–Танаис: Мир, 1995. 494 с.
5. Гачев Г.Д. Италия. Опыт экзистенциальной культурологии. М.: Воскресенье, 2007. 416 с.
6. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, 2008. 544 с.
7. Гачев Г.Д. Миры Европы. Взгляд из России. Англия, интеллектуальное путешествие. М.: Воскресенье, 2007. 688 с.
8. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция. Опыт экзистенциальной культурологии. М.: Логос, 2008. 424 с.
9. Гачев Г. Образы Божества в культуре. Национальные варианты. М.: Академ. проект, 2016. 891 с.
10. Гачев Г.Д. Русская дума. Портреты русских писателей. М.: Новости, 1991. 267 с.
11. Гачев Г.Д. Шестьдесят дней в мышлении. Самозарождение жанра. М.;СПб.: Летний сад, 2006. 480 с.
12. Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 523 с.
13. Дильтей В. Сущность философии. М.: Интрада, 2001. 154 с.
14. Ильенков Э.В. О воображении [Электронный ресурс]. URL:https://royallib.com/book/ilenkov_evald/o_voobragenii.html
15. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
16. Рикёр П. Воображение в дискурсе и в действии // Поль Рикер в Москве. М.: Канон, 2013. 488 с.

G.D. GACHEV'S EXISTENTIAL THEORY OF CULTURE IN THE PERSPECTIVE OF THE CREATIVITY PROBLEM

M.M. Shibaeva

Moscow State Institute of Culture, Moscow

The basis of the article is the author's reflection on G. D. Gachev's existential approach to the theoretical understanding of culture. This part of his scholarly heritage has a particular deep philosophical significance and looks non-reducible to the theory of national images of the world. The article reveals the uniqueness of this thinker's vision of a broad «field of problems», including the question of subjectivity of knowledge as a creative process. The particular features of an individual «empathical understanding» of the national «cosmopsychologos» are revealed on the basis a methodological triad of V. Dilthey's hermeneutics, M. M. Bakhtin's concept of «co-participatory thinking», as well as G. D. Gachev's own conceptual platform.

Keywords: *Gachev, creative heritage, existential cultural theory, national images of the world, subjectivity of «cosmo-psycho-logos», creativity.*

Об авторе:

ШИБАЕВА Михалина Михайловна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии Московского государственного института культуры. E-mail: skyday.vm@yandex.ru

Author information:

SHIBAEVA Mikhailina Mikhailovna – PhD (Philosophy), Professor of the Department of cultural studies at the Moscow State Institute of Culture. E-mail: skyday.vm@yandex.ru